

Аргументы и факты - 1997 - дек. (№52) - с.15

● В МОСКВУ МАККУИН ПРИЕХАЛ В НОВОЙ РОЛИ - В РОЛИ КЛАССИКА ЖАНРА

ЕСЛИ в России появляются герои, способные перенести часть Парижа в Москву, захватив с собой аромат, тайны и главных героев современной французской истории, значит, мы уже готовы принимать моду такой, какая она есть. Это понимают в московской галерее *Bosco di Ciliegi*. И новые Наполеоны уже устремились к нам. Первый из них - 28-летний англичанин Александр МАККУИН.

Осенью прошлого года его сделали главным художником знаменитого французского дома Живанши. Коллекции Маккуина для Живанши - новая мода, мода некрасивая. В ней - сумрачный характер юного Маккуина, лондонский туман и парижский шик конца века: шик без роскоши, шик без великолетия. Платья, рожденные в результате подобного смешения, выглядят модно и строго.

У родителя нового стиля Александра Маккуина на редкость дурной характер. Еще недавно в мире высокой моды он считался эдаким хулиганом. Но в Москву Маккуин приехал в новой роли - в роли классика жанра.

ГОВОРИТ, в прошлой жизни вы были панком. Почему вы не отказали Живанши, когда они вам предложили возглавить такое гнездо традиционализма?

- Знаете, что такое деньги? Слышали о них? (Смеется долго и болезненно.) Нет, вы угадали. Я им, конечно же, отказал. Я никогда не мог себе представить, как можно руководить домом, который не тебе принадлежит. Я властный, я сам по себе. (Пауза.) Но и деньги... И деньги тоже важно. И важно, откуда они. Вот, например, деньги от Живанши. Они не пахнут. Нормальные здоровые деньги. Поэтому в конце концов я дал себя уговорить.

- У человека, под именем которого вы делаете свои коллекции, раньше была Одри Хепберн. О ней говорят - "образ Живанши". У вас такого, видимо, нет.

- Я вообще против муз. Если отдать право называться образом одной единственной женщине или одному персонажу, тогда все остальные женщины мира не найдут в этом образе себя. Они будут примерять что-то на свое тело, на свои мысли и представлять себя в роли этой музы. У меня нет муз ни в моем собственном доме, ни в Живанши. Мода принадлежит всем. Нравится - пусть покупают. Не нравится - пусть идут прочь.

- Значит, у вас нет муз и нет идеала.

- Нет муз и идеала тоже нет. Каждый отдельно, каждый сам за себя.

- И вам никто не нравится. Ни актриса, ни певица.

- Это совсем из другой области. Нравится Дайана Китон, актриса, и Бьорк, певица. Я одевал Дайану в Живанши и Бьорк - в Маккуин. Они не идеалы. Мне просто нравится характер, даже не внешность. И они не модели, я просто нашел что-то внутри них, как бы они при этом ни выглядели внешне. Я вообще нутро люблю больше, чем то, что снаружи.

- Как же тогда получается с моделями? Как их выбирать? Тогда пришлось бы с каждой по два часа разговаривать. И потом бы выяснилось, что у нее короткие ноги.

- Плохой вопрос. Я с ними не вожусь. С девушками не вожусь. (Смеется)

ся, хохочет, заливается. Потом резко делает серьезное лицо - ведь происходит нечто важное: интервью для перспективного русского рынка.) Для Живанши важен профессиональный уровень. Для Маккуин - излом, характер, даже немного ум. Потому что Живанши - это стиль жизни, а Маккуин - отношение к жизни.

- У вас наверняка есть собственный миф о Живанши. И был до того, как вы там оказались.

- Миф был простой. Замешанный на Одри Хепберн -

Властитель Живанши

как, похоже, и у вас. И почти у всех. А теперь пришло время подумать о новом тысячелетии.

- Вы этим и занимаетесь.

- Не по собственной инициативе. Никогда не стану делать что-то, что не нужно руководству компании. Это тонкая система.

- Но ведь вы себя сдерживаете, придумывая новую систему ценностей для Живанши?

- Вовсе нет. Вернее, чуть-чуть сдерживаю на *pret-a-porter*. А на *Haute Couture* - нет, зачем. Там все вполне в духе Маккуин! Там можно натворить.

Он сказал: "Ваша Москва - хороший город, но здесь мучают животных". На вечеринку в его честь привели живого медвежонка и заставили плясать. Маккуин закрыл лицо руками и убежал. Но москвичи не поняли, почему Маккуин отказался сверкать и искриться. Они привыкли: звездам свойственно сиять. И ждали именно этого. И ради этого спустились в метро, смотреть на нового творца Живанши, Маккуина.

- Что вам больше всего нравится в прошлом дома Живанши?

- Шитье. Высокое шитье.

- Это и есть то, чему вы учитесь, работая на Живанши?

- Я пришел туда из мира шитья. Я проник в технику и дух шитья задолго до приезда в Париж. Но у них это делается превосходно, просто превосходно! Потом, в моде, даже если не хочешь, все время учишься.

- Что получится, если перевести на английский французское слово *couturier*?

- Ничего. Кутюрье с английским акцентом.

- Много ли вы сшили своими руками?

- Раньше я только так и делал. С этого начинал. В шестнадцать лет все шил только сам. Первые коллекции - тоже шил руками. Теперь вся одежда под лейблом Маккуин производится в Италии. Но я и сейчас думаю, что, прежде чем что-то придумывать, рисовать эскизы, нужно хорошо набить руку. Чтобы это было просто. Чтобы любую вещь можно было отобрать у портных, снять с производства на фабрике и отдать автору. И чтобы автор все равно сшил лучше.

Я иногда и сейчас что-нибудь самое странное беру на себя. Люблю приложить руку.

Московская богема спустилась в метро и увидела. Дизайнер Маккуин - неожиданный. Дом Живанши - непред-

сказуемый. Галерея *Боско ди Чильеджи* - неистощимая на изобретения. Поэтому почти все зрители сказали: нам нравится. И довольно сосали леденцы, полученные у эскалатора.

- Теперь, когда всем кажется, что показы мод стали невыносимо скучными, некоторые дизайнеры стали делать театр на подиуме. Искусство театра влечет вас?

- Меня влечет искусство искусства.

- Но как же театр? Как без него?

- Ненавижу театр. (Монструозно хохочет.)

- А кино?

- Пьер Паоло Пазолини.

- Все фильмы?

- "Сало, или 120 дней Содома".

- Я знаю, вам не раз предлагали работать в кино.

Фото Кати Гайки

- Не много раз. Меня не просто заставить. Стивен Спилберг был в Лондоне, пригласил меня на ланч, обсудить кое-что. Но я не пришел. Теперь, чтобы работать в кино, мне, наверное, надо пригласить его на обед. Но я не стану. Ненавижу кино. (Опять монструозно хохочет.)

- У кого бы вы отобрали право делать костюмы для кино? И для кого бы их сделали?

- Ну вы же знаете, Пазолини давно умер. А кто уже делает, тот пусть делает, я не смотрю кино. Мало туда хожу. Но я люблю авангардное кино - Джона Уотерса, Пазолини и даже совсем неизвестные имена. (Думает.) Спилберг. Просить прощения за пропущенный ланч? Тогда зачем же было пропус-

кать? С поп-культурой дело иметь гораздо интереснее, нежели с кино, которое часто невозможно смотреть. А смотреть мне нравится, например, книги с фотографиями.

- Есть ли такой фотограф, которого вы вслед за собой привели или приведете в моду?

- Каждый раз мне нужен новый фотограф. Сегодня я в восхищении от Аведона, завтра - от Картье-Брессона. Часто требуются именно классики, потому что только им известны новые пути и у них множество свежих идей. Что касается молодых, то есть один, его зовут Фил Пойнтер. Не знаю, станет ли он таким известным. Увидим.

- И каждый раз вам нужны новые лица?

- Это меня почти не заботит. Я сам не участвую в кастингах, моделей для меня отбирает арт-директор, Кейт Ингланд.

- Кто-то сказал мне, что вы плохо обходитесь с журналистами. Вы ненавидите журналистов?

- Почему же. Я их терплю.

- Что ждет вас в будущем?

- Мир, покой, счастье. То, без чего сейчас мне плохо. Нет, кроме счастья. Счастье у меня уже есть, но нет мира и покоя.

- Где ваше счастье?

- В мире и покое. Когда я прихожу домой, усталый. А еще там, где я отдыхаю. Был на Антильских островах. На Рождество всегда катаюсь на лыжах в Шотландии.

- В мире моды наверняка есть люди, к которым вы испытываете ненависть.

- Здесь надо быть умным и деликатным. Надо никого не обидеть. Сейчас, подождите. Ненавижу людей, которые не понимают моду и не хотят моде учиться, в ней вращаясь.

- А у вас, в ваши 28 лет и при вашей блестящей карьере, хватает времени кого-то учить?

- Специально я нигде никого не учу. Ко мне приходят разные студенты, работают, я им помогаю. (Краснеет и раскрасневается.) Но у меня совсем нет времени учить журнали-

стов. Если они не понимают меня, то я не готов с ними общаться. Тем более их чему-то учить.

- Чему вас уже научила Франция?

- Франция окончательно извратила мое сознание.

Определенно - ему будет что вспомнить. Простых и добродушных русских журналистов, одного за другим задававших Маккуину неприятные вопросы. А избалованная Москва теперь не ждет от жизни ничего - узрев однажды Живанши в метро, можно удивиться лишь Кензо под облаками.

Это - увлекательный сюжет недалекого российского будущего. Будущего города, столицы моды.

Федор ПАВЛОВ-АНДРЕЕВИЧ

15

МОДА